

MalutkaSemen

Варшавская
пронасть

18+

MalutkaSemen MalutkaSemen

Варшавская пропасть

<https://litres.ru/74042126>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиция и Ян вместе уже шесть лет. У них есть квартира в Варшаве, машина, совместные планы. Нет только одного — ребёнка. И надежды, что он когда-нибудь появится.

Ян упрям, вспыльчив, не умеет слушать. Алиция устала объяснять, устала просить, устала от того, что её потребности остаются не услышанными. Она привыкла молчать — легче согласиться, чем доказывать. Но внутри копится боль.

Когда они решают усыновить мальчика из детдома, Алиция надеется, что это спасёт их брак. Но Томаш становится не решением, а ещё одной трещиной. Ян отстраняется. Алиция задыхается в тишине.

MalutkaSemen

Варшавская пропасть

Пролог

Она проснулась в три часа ночи.

Не от кошмара. Не от шума. Просто открыла глаза и поняла, что не уснёт. Лежала на спине, смотрела в потолок. Трещина шла от люстры к углу. Она знала эту трещину. Считала её сотни раз. Трещина не увеличилась. Не уменьшилась. Просто была. Как она.

За стеной кашлял сосед. Где-то внизу хлопнула дверь. Город жил своей жизнью. А она лежала и думала.

Она повернулась на бок. Обняла подушку. Представила, что это — чьи-то руки. Сильные, уверенные, грубые. Она хотела бы проснуться в них, но просыпалась всегда одна. Рядом спал Ян. Тёплый, знакомый, чужой.

Она закрыла глаза. Не спала.

За окном светало. Варшава просыпалась. Алиция — нет.

Глава 1. Пятница

Пятница была её самым тяжёлым днём.

Не потому что много работы. Не потому что уставала. А потому что вечером Ян уходил. Каждую пятницу. Иногда забегал домой переодеться, иногда ехал прямо с работы. Гово-

рил, что встречается с друзьями. Пьёт пиво, смотрит футбол, обсуждает что-то своё, мужское.

Алиция не спрашивала с кем. Не проверяла. Не звонила.

Она знала, что не изменяет. Чувствовала. Но всё равно в груди каждый раз что-то сжималось, когда он целовал её в щёку, говорил «не жди» и закрывал за собой дверь.

Она не ждала. Она оставалась.

Квартира была её убежищем.

Три комнаты на окраине центра, с высокими потолками и старыми, но крепкими половицами. Алиция сама выбирала обои — светлые, с едва заметным рисунком. Сама подбирала шторы, лампы, маленькие столики под старину. На подоконниках — живые цветы. Она поливала их по пятницам. Вечером. Когда никого нет.

Дизайн был её профессией. И её способом говорить с миром. Клиенты заказывали проекты, она рисовала уют для чужих людей. А для себя создавала тишину. Идеальный порядок. Место, где ничего не болит.

Она прошла по коридору, поправила рамку с фотографией. Они с Яном в горах, два года назад. Оба смеются. Тогда ещё было легко. Или казалось.

На кухне пахло хлебом. Она испекла его утром, до работы. Любила запах. Он заполнял пустоту.

Алиция налила чай, села у окна. За окном — Варшава. Серая, вечерняя, чужая. Машины, люди, светофоры. Где-то

среди них ехал Ян. Или уже сидел в баре. Смеялся с друзьями. Не думал о ней.

Она знала, что это не измена. Друзья. Пиво. Футбол. Но подозрение было. Не логичное — телесное. Оно жило где-то под рёбрами и шевелилось каждый раз, когда он говорил «я сегодня поздно». Она не проверяла. Боялась. Не правды — себя.

Она убрала со стола. Протёрла плиту. Поменяла воду в вазе. Порядок успокаивал. Когда вокруг чисто — внутри не так страшно.

Потом села в кресло, укрылась пледом. Включила телевизор для фона. Не смотрела. Думала.

О детях.

О том, что уже шесть лет они пытаются. И ничего. Врачи сказали давно. Причина — Ян. Она не злилась. Не винила. Но внутри засела тихая, серая усталость. От того, что нельзя просто поговорить. Потому что Ян не умеет слушать. Или она разучилась говорить.

Раньше пыталась. Объясняла. Просила. Злилась. А он стоял на своём. Упрямый, до последнего. Даже когда не прав. Она уставала. Проще было согласиться. Проще промолчать. Проще уйти в себя.

Она и уходила. В уборку. В дизайн. В свою голову.

А теперь они думают об усыновлении. Ян хочет. Она — нет. Но говорит: «Да, подумаем». Потому что проще согла-

ситься. Потому что спорить тяжелее.

«Зачем нам чужой ребёнок, если мы не умеем быть близкими сами?» — хотела спросить она.

Не спросила.

Она встала, прошла в спальню. Разделась. Встала перед зеркалом.

Грудь второго размера, тонкая талия, бёдра. Веснушки на щеках. Голубые глаза. Светло-карие волосы прямыми прядями падают на плечи. Она знала, что красивая. Не броско — уютно.

Она легла на кровать. Закрыла глаза. Представила чужие руки. Грубые. Уверенные. Те, которые не спрашивают, а делают. Которым не надо объяснять.

Она не звала Яна. Он бы не понял. Сказал бы: «Ты могла сказать». А она устала говорить. Устала объяснять, что ей нужно. Устала от его «давай поговорим» в ответ на её молчание. Он думал, что она закрылась. Она просто выключилась.

Она коснулась себя. Медленно. Без спешки. Не от отчаяния — от привычки. Знала, как и где. Не было ни страсти, ни стыда. Просто потребность. Телесная. Одиночная.

Потом встала, приняла душ. Надела пижаму. Вернулась в гостиную.

Ян вернулся в двенадцатом часу.

Услышала ключи в замке, шаги в коридоре. Не встала. Он

заглянул в гостиную.

— Ты не спишь?

— Нет.

— Ждёшь?

— Просто не уснула.

Он сел на край кресла. Пахло пивом и сигаретами. Не чужими духами. Алиция выдохнула. Не заметно.

— Как дела? — спросил он.

— Нормально.

— Что делала?

— Убиралась.

Он кивнул. Не спросил про ужин. Не спросил про настроение. Не заметил, что она грустная. Или заметил, но не подал виду. Сказал:

— Завтра поедем за город. Погода обещала быть хорошей.

— Хорошо, — сказала она.

Он поцеловал её в лоб. Ушёл в ванную.

Алиция сидела, смотрела на пустой экран телевизора. Думала о том, что завтра они сядут в белую Шевроле Малибу, поедут за город, будут молчать или говорить о пустяках. Ни о главном. Как всегда.

Она улыбнулась. Не потому что весело. Потому что привыкла.

— Мы живём или существуем? — спросила она себя тихо.

Она выключила свет. Легла. Ян вернулся, лёг рядом. Через минуту засопел. Алиция смотрела в потолок.

Завтра будет суббота. Они поедут за город. Потом будет воскресенье. Потом понедельник. Потом снова пятница. И снова. И снова. Круг.

Она закрыла глаза. Уснула.

Потому что надо. Потому что завтра рано вставать. Потому что так надо.

Глава 2. Костер

За город поехали после обеда.

Белая Шевроле Малибу шла ровно, подвеска мягко глотала ямы на просёлочной дороге. Ян за рулём, Алиция рядом. Молчали. Включили радио, но не слушали. Так всегда — чем дальше от города, тем меньше слов.

Лес встретил запахом прелых листьев и тишиной. Место нашли у ручья, где когда-то уже были. Ян поставил палатку, Алиция собрала хворост. Делали всё молча, но слаженно. Шесть лет совместной жизни приучили не мешать друг другу.

Костер разгорелся не сразу. Ян возился с растопкой, чертыхался, дул на тлеющие ветки. Алиция сидела на бревне, смотрела на огонь. Ждала. Не его — тепла.

Потом они пили чай из кружек, ели бутерброды, которые она нарезала утром. Говорили о работе, о новостях, о том, что надо бы купить новые покрышки на зиму. Ни о чём важном. Как всегда.

Вечер опустился быстро. Октябрь в Польше — темнеет рано. Костер догорал, тени прыгали по стволам деревьев. Ян посмотрел на неё.

— Идём?

Она кивнула.

Палатка была маленькой, но уютной. Спальники расстелены, брошены рядом. Снаружи слышно только потрескивание углей и где-то далеко — сову.

Он начал первым. Грубо. Так, как она любила. Или как она думала, что любит. Алиция поддалась. Позволила. Даже ответила. Но тело откликалось отдельно от головы. Голова считала. Сравнивала.

«Даже если сейчас, — думала она. — Ничего не выйдет. Как всегда. Только с другим — вышло бы».

Мысль пришла и ушла. Не задержалась. Она не хотела другого. Она хотела, чтобы он был другим. Или она сама — другой.

Она утонула в тепле. Но не в удовольствии. Разница тонкая, но она её чувствовала. Тепло — это просто. Удовольствие — когда есть кому отдаться. Не телом — головой.

Закончили. Лежали молча. Ян отвернулся, задышал ровнее.

Алиция потянулась к его джинсам, которые он бросил в ногах. Нащупала пачку, вытащила сигарету. Прикурила от зажигалки, лежавшей тут же.

— Серьёзно? — сказал Ян, не оборачиваясь. — Прямо

здесь?

— Не здесь. В палатке.

— Ты могла выйти.

— Могла, — согласилась она.

— Зачем курить в спальнике? Потом всё провоняет.

— Ничего не провоняет.

— Вечно ты со своими сигаретами. Не могла потерпеть?

Она не ответила. Затянулась. Дым пошёл вверх, к пологу палатки. Ян сел, натянул штаны, футболку.

— Знаешь что, — сказал он. — Я не понимаю тебя. Сидим, отдыхаем, всё нормально. А ты... Тебе обязательно всё портить?

— Я ничего не порчу.

— Куришь в палатке. После... Ну не странно?

Она не стала спорить. Натянула штаны, майку на голое тело. Вылезла наружу.

Ночь была холодной. Костер почти догорел, тлели угли, бросая слабый красный свет. Алиция села на бревно. Закурила снова. Сигарета была той же. Ян не заметил.

Она думала. Не о ссоре. Не о его словах. О том, что даже в лесу, даже у костра, даже в палатке — они остаются теми же. Не могут быть честными. Не могут быть близкими. Только телами. И то — не до конца.

Она выпустила дым. Посмотрела в небо. Звёзды были крупными, близкими. В городе их не видно.

«Почему с ним не получается? — спросила она себя. —

Врачи говорят — он. Медицина. Но может, не только? Может, мы просто разучились... или никогда не умели?»

Она не знала ответа.

Докурила. Затушила о мокрый камень. Пошла назад. В палатке Ян уже спал. Или делал вид. Она легла рядом, спиной к нему. Накрылась спальником. Закрыла глаза.

Лес шумел. Где-то кричала птица. Алиция лежала и слушала.

Она не хотела ребёнка. Не сейчас. Не с ним. Потому что боялась, что ребёнок вырастет в этой тишине. В этих недоговорённостях. В этом «молчи, проще согласиться». Она не знала, как сказать ему. И говорила «да» на усыновление. Потому что проще.

Она закрыла глаза. Уснула.

Утром он не извинился. Она не ждала. Собрали палатку, сели в машину. Поехали домой. Молча. По дороге Ян включил радио. Передавали песню, которую они слушали на первой поездке. Он даже не заметил.

Алиция заметила. Улыбнулась уголками губ. Ничего не сказала.

Белая Шевроле Малибу свернула на трассу. Варшава ждала.

Глава 3. Детский дом

Приют находился на окраине, за бывшим промышленным

районом. Дорога заняла сорок минут. Ян вёл машину молча, Алиция смотрела в окно. Белая Шевроле Малибу петляла по узким улочкам, мимо старых домов с облупившейся краской, мимо гаражей, заросших плющом.

Она думала. Странная мысль пришла ещё вчера: «Если отношения охлаждаются, надо заводить детей». Она слышала это от подруг. Читала в каких-то статьях. Но сейчас, глядя на серые панельные здания, понимала: это неправда. Ребёнок не склеивает трещины. Он их расширяет. Показывает все, что было спрятано.

Она не сказала этого Яну. Он бы не понял.

Они припарковались. Ян достал из бардачка папку с документами. Алиция поправила волосы, выдохнула. Вошли.

Внутри пахло хлоркой и кашей. Стены выкрашены в бледно-зелёный — цвет, который должен успокаивать, но давил. Заведующая, полная женщина с добрыми, но уставшими глазами, провела их в комнату ожидания.

— Скоро приведут детей, — сказала она. — Вы посмотрите, познакомьтесь. Ни к чему не обязывает.

Алиция кивнула. Ян сел на стул, положил папку на колени.

Детей привели не сразу. Сначала девочек. Три. Одной было пять — кудрявая, с огромными глазами, она сжимала в руке старого плюшевого зайца. Второй — семь, худая, волосы собраны в два хвостика. Третьей — десять, она не смотрела на взрослых. Смотрела в пол. Заведующая шепнула: «Её

мать пила. Отец бил. В приюте третий год».

Алиция слушала. Кивала. Улыбалась девочкам. А внутри сворачивалась в комок.

Потом привели мальчиков.

Первым зашёл темноволосый мальчик лет восьми. Глаза настороженные, губы сжаты. «Родители отказались в роддоме. Воспитывался в семье до пяти лет, но те вернули. Не сошлись характерами», — пояснила заведующая.

Второй — рыжий, веснушчатый, лет одиннадцати. Улыбался, но глаза оставались пустыми. «Мать умерла. Отец в тюрьме. Бабушка не смогла забрать — возраст, здоровье».

Третий вошёл последним. Двенадцать лет, светлые волосы, залысинка на виске — старая, давно зажившая, но заметная. Он не смотрел на них. Сел на стул у стены, сложил руки на коленях.

— Это Томаш, — сказала заведующая. — Его отец... — она замолчала, подбирая слова. — Отец причинял ему боль. Мать знала, но молчала. Потом соседи вызвали полицию. Томаш в приюте четвёртый год. Мать лишили прав. Отец в тюрьме.

Алиция смотрела на мальчика. Он поднял голову. Встретил её взгляд. Не отвёл.

Ян наклонился к ней:

— Мне кажется, этот... Томаш. Спокойный. Не будет проблем.

Алиция не ответила. Она смотрела на мальчика. На его

руки, лежащие на коленях. На затылочку на виске. Он молчал. Не улыбался. Не просил внимания. Просто сидел. Был.

«Это не ребёнок, — подумала Алиция. — Это уже человек. Которого били, предавали, бросали. И мы хотим забрать его, чтобы спасти? Или чтобы спасти себя?»

Она выдохнула.

— Мне нужно в туалет, — сказала она. — Извините.

Вышла. В коридоре было тихо. Пахло так же — хлоркой и кашей. Она прислонилась к стене. Закрыла глаза.

«Зачем мы это делаем? — спросила она себя. — Мы не можем зачать своего. Решили взять чужого. Но разве мы готовы? Ян не умеет слушать. Я устала говорить. Мы не справляемся друг с другом. А хотим справляться с ребёнком?»

Она открыла глаза. Посмотрела на дверь, за которой остались дети. Девочка с зайцем. Худой мальчик с пустыми глазами. Томаш. Который просто сидел.

«С ним не надо менять подгузники. Не надо учить есть, ходить, говорить. Он уже умеет. Он умеет молчать. И бояться. И не доверять».

Она думала долго. Взвешивала. Слово «зачем» билось в голове. Потом она вспомнила утро. Тишину за завтраком. Ян смотрел в телефон. Она — в окно. Они не говорили. И так каждый день.

«Ребёнок не спасёт нас, — поняла она. — Но, может, нам будет некогда спастись. Некогда думать. Некогда молчать».

Она не знала, правильно ли это. Просто устала решать.

Устала говорить «нет». Устала быть той, кто против. Она вздохнула. Вернулась.

Ян посмотрел на неё вопросительно.

— Что думаешь? — спросил.

— Думаю, — сказала Алиция, — давай попробуем с Томашем. Если он согласен.

Заведующая посмотрела на неё с облегчением. Ян кивнул.

Томаш не подал виду. Сидел, сложив руки. Потом перевёл взгляд на Алицию. Долго. Ничего не сказал.

— Хорошо, — тихо ответил он.

Она не поняла — ей или заведующей. Просто кивнула.

Они заполнили документы. Уточнили детали. Когда вышли, на улице уже темнело. Алиция села в машину, закрыла глаза.

— Ты устала? — спросил Ян.

— Да, — сказала она.

Он завёл двигатель. Белая Шевроле Малибу выехала со двора приюта. Алиция смотрела в окно. На серое небо. На редкие фонари.

«Мы взяли чужого ребёнка, — думала она. — Не потому что хотим. Потому что не знаем, как иначе».

Она не сказала этого Яну.

Он бы не понял.

Глава 4. Томаш

Томаш переехал к ним через две недели после подписания

документов.

Заведующая сказала, что мальчик спокойный, не доставляет хлопот. Сказала, что умный. Сказала, что привязан к режиму. Ничего не сказала о том, что внутри у него. Алиция и не спрашивала. Она сама давно перестала говорить о том, что внутри.

Ян встретил их у двери. Кивнул мальчику, потрепал по голове. Томаш не отстранился, но и не улыбнулся. Просто прошёл в коридор, остановился, осмотрелся. Рюкзак за плечами — старый, потёртый, но застёгнутый на все замки. Алиция заметила, как он держал ляжки — обеими руками, словно боялся потерять единственное, что у него было.

— Покажи ему комнату, — сказал Ян. Он уже уходил на работу, даже не снял куртку. — У меня встреча через час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.